

⁴ ПА Могилевского ОК КПБ.— Ф. 372, оп. 1, д. 21, л. 30, 45, 90, 91—94; д. 20, л. 25, 90.

⁵ См.: Віцебскі рабочы.— 1979, 29 сакавіка.

⁶ Текущий архив Госкомитета по профтехобразованию при Совете Министров БССР.— С. 68.

⁷ Текущий архив Госкомитета по профтехобразованию при Совете Министров БССР: Статистический отчет о численности, составе и движении работников.

⁸ См.: Советская Белоруссия.— 1978, 11 февраля; 1979, 17 февраля.

⁹ Текущий архив Госкомитета по профтехобразованию при Совете Министров БССР: Справка о развитии профессионально-технического образования в Белорусской ССР в 1982 году.— С. 16.

¹⁰ Там же.— С. 11.

¹¹ Там же.— С. 48.

Н. Е. ОРЛОВА

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В АНГЛИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Государственная система народного образования в Англии сложилась довольно поздно, лишь в последней трети XIX века. Низкий уровень развития производительных сил средневековья не вызывал острой необходимости в распространении грамотности среди народа. В дальнейшем потребность в грамотных рабочих значительно возросла. Определенным рубежом в этом отношении является середина XVIII века, когда в Англии началась промышленная революция, коренным образом изменившая социально-экономический облик страны. Переход к машинному производству предполагал наличие хотя бы элементарно грамотных рабочих. Между тем, по данным 1802 года, в Англии на 1712 жителей приходился лишь один ребенок, посещающий школу¹.

Подобное положение актуализировало проблему народного образования. В конце XVIII века начал педагогическую деятельность Джозеф Ланкастер. Он ввел систему мониторов (способные старшие ученики под наблюдением учителя участвовали в обучении младших), которая способствовала в некоторой степени увеличению численности детей, охваченных школой. В 1808 году его сторонниками была основана первая крупная организация в области просвещения «Королевский институт Ланкастера», с 1814 года именовавшаяся «Обществом британских и иностранных школ»². Она в своей деятельности исключала чисто конфессиональные моменты и пользовалась активной поддержкой диссидентов (представители религиозных сект, отступавшие от догматов господствовавшей англиканской церкви). Высшее духовенство, обеспокоенное успехами Ланкастера, пригласило другого сторонника мониторинговой системы, англиканского священника Андрю Белла, чтобы он ввел данный метод в англиканских школах для бедных³. В 1811 году его приверженцами было основано влиятельное и богатое «Национальное общество», которое базировалось на строго конфессиональной основе и имело сильную поддержку со стороны церкви⁴.

С начала XIX века косвенным образом через фабрично-заводское законодательство государство начало оказывать известное влияние на распространение грамотности среди трудящихся. Появление машин позволило использовать на фабриках труд женщин и детей. Беспощадная эксплуатация детей на производстве вызвала возмущение английской общественности, что вынуждало государство принимать некоторые меры по пресечению наиболее вопиющих злоупотреблений. Как правило, фабричные законы обязывали предпринимателей организовывать элементарное обучение детей, работающих на предприятиях. Первый такой закон под давлением общественности и при активном участии Р. Пиля, владельца хлопчатобумажной фабрики, был принят в 1802 году. Он ограничивал продолжительность рабочего дня учеников на фабриках, предписывая, чтобы юноши в первые четыре года обучения ежедневно в определенные часы занимались чтением, письмом, арифметикой под руководством опытного учителя, находящегося на жаловании у предпринимателя фабрики⁵. Но этот закон распространялся только на хлопчатобумажную и шерстяную промышленность. Он не предусматривал контроля со стороны фабричной инспекции и фактически не соблюдался фабрикантами.

В дальнейшем Р. Пилю и другим филантропам удалось добиться из-

дания новых фабричных законов 1819, 1825 и 1831 годов, которые ограничивали рабочее время и запрещали ночную работу детей и подростков. Эти законы, как и закон 1802 года, были малоэффективны, ибо не предусматривали какого-либо контроля их выполнения. Для обследования условий труда детей и подростков в 1833 году парламентом была учреждена так называемая центральная комиссия. Она представила отчет, который «вполне достаточно показывает возмутительное, бессердечное отношение промышленной буржуазии к рабочим». Следствием этого отчета явился фабричный закон 1833 года. Он запретил применять труд детей моложе 9 лет, ограничил рабочий день: для детей от 9 до 13 лет — не более 9 часов, а рабочее время для подростков от 14 до 18 лет не более 12 часов в день. Вводилось обязательное посещение школы в течение 2 часов в день для всех детей моложе 14 лет; фабриканту под угрозой штрафа запрещалось принимать на работу детей без справки фабричного врача о возрасте и без справки учителя о посещении им школы. Но самым главным положением данного акта было введение определенных гарантий его выполнения: назначались фабричные врачи и инспектора, которым предоставлялось право в любое время являться на фабрику, брать у рабочих показания под присягой. Они были также обязаны в случае нарушения закона возбуждать дело против фабриканта перед мировым судьей.

Осуществление закона, и в частности назначение инспекторов, привело к сокращению рабочего дня в среднем до 12—13 часов и к замене, где возможно, детей взрослыми. Но распоряжение правительства об обязательном посещении школы не выполнялось, поскольку оно не было подкреплено практическими действиями: правительство не позаботилось о создании новых школ.

В начале 40-х годов деятельность в сфере фабричного законодательства продолжалась. Министр внутренних дел кабинета Тори Джеймс Грехем в 1843 году внес билль, который предлагал ограничить рабочее время детей 6,5 часами и усилить контроль за посещением школы, предусматривая при этом улучшение деятельности школ⁶. Но этот билль был отклонен из-за религиозных разногласий, которые постоянно тормозили развитие системы просвещения в стране.

В Англии наряду с государственной англиканской церковью существовало большое количество религиозных сект протестантского толка, а также католическая церковь. Они требовали уважения их вероисповеданий, выступали против господства англиканской церкви в столь важной сфере, как просвещение. Билль ставил школы под надзор официальной церкви, что, естественно, не могло быть одобрено диссидентами. Фабриканты и либералы также выступили против этого проекта, поскольку не в их интересах было ограничение рабочего дня и отвлечение рабочих на посещение занятий. Однако в 1844 году закон был принят, но в значительно урезанном виде. Он предписывал организацию мер предосторожности от несчастных случаев, а также обязательное посещение школ детьми в течение 3 дней в неделю⁷.

Таким образом, через систему фабричного законодательства было положено начало государственному вмешательству в сферу народного просвещения. Хотя выполнение этих законов оставляло желать лучшего, тем не менее важен сам факт официального признания значимости вопроса об образовании народа. Фабричное законодательство по охране детского труда в какой-то мере расчищало почву для дальнейшего развития системы английского просвещения.

В период издания первых фабричных законов правительство начинает создавать и первые парламентские комиссии для исследования дела просвещения масс. Первая такая комиссия была организована в 1816 году под председательством лорда Брукгама. Ее задачей было изучение вопроса о положении образования беднейших классов. Работа комиссии практически оказалась безрезультатной, но доклад ее отразил неудовлетворительное состояние народного образования, показал существенную нехватку элементарных школ. Важен и вывод, к которому пришла комиссия: наибольший эффект в развитии народного просвещения может быть только от «действенных мер парламента по обеспечению недостающих средств для обучения бедных»⁸. Таким образом, признавалась необходимость вмешательства государства в данную сферу. Подобные выводы были сделаны и парламентской комиссией 1818 года⁹. Доклады комиссий подготовили почву для разработки первого билля по образованию 1820 года. Однако

этот билль не стал законом, поскольку опять же не учитывал интересов диссидентских сект, отдавая приоритет в деле образования англиканской церкви.

Заметным рубежом в становлении государственной системы просвещения в Англии стали 30-е годы. В эти годы в стране происходят важные социально-экономические изменения. Промышленная революция завершилась, что означало окончательный переход английской промышленности на стадию машинного производства и значительное усложнение его процесса. Появилась острая потребность в грамотных рабочих, умеющих управлять сложными механизмами. В то же время возможность использования детского труда сократилась и создались лучшие условия для организации системы образования в стране. Происходят также важные политические события — принята первая парламентская реформа, которая увеличила в некоторой степени число избирателей. Это вынуждало правящие классы принимать меры по усилению своего идеологического воздействия на массы, чему и способствовала школа. Одной из важнейших причин, толкавших буржуазию на проведение некоторых социальных реформ, был рост рабочего движения. Усиление капиталистической эксплуатации на завершающей стадии промышленного переворота активизировало борьбу английских трудящихся за улучшение своего положения. В конце 30-х годов она выливается в чартизм, представлявший собой «...первое широкое, действительно массовое, политически оформленное, пролетарски-революционное движение...»¹⁰.

В 1833 году правительство выделило первую субсидию на нужды просвещения в размере 20 тыс. ф. ст. Она была разделена между благотворительными обществами и предназначалась для строительства новых школ¹¹. Система мониторингов, в свое время сыгравшая положительную роль, уже не могла удовлетворить растущие потребности страны в расширении школьной сети. В 1834 году был опубликован доклад парламентского комитета о положении в области народного образования. В нем впервые ставился вопрос об улучшении подготовки учителей, предлагалось учреждать для этой цели педагогические училища, руководить которыми должно государство¹². Следствием доклада было выделение 10 тыс. ф. ст. на создание учебных заведений по обучению учительской профессии¹³. Обсуждение вопроса сопровождалось бурной дискуссией. Государственная церковь, многие века занимавшая монопольное положение в сфере образования, идеологического воздействия на народные массы, очень неохотно сдавала свои позиции. Так, «Национальное общество», отражавшее интересы англиканской церкви, настаивало на том, чтобы учителя отбирались из духовных лиц, чтобы катехизис преподавался в школах всем ученикам и чтобы школы находились под надзором приходского священника¹⁴. Подобное требование не могло, конечно, удовлетворить приверженцев других вероисповеданий.

В конце 30-х годов правительство учреждает первый специальный орган по делам просвещения — Комитет тайного совета по образованию, задачей которого был контроль за распределением государственных субсидий и их использованием, поскольку до сих пор они расходовались бесконтрольно. Вводился также институт школьных инспекторов, в обязанности которых входило помогать (но не контролировать) школам. В том же году государственные субсидии для нужд просвещения были увеличены до 30 тыс. ф. ст.¹⁵. В конце 30-х годов начали действовать первые педагогические колледжи, количество их постепенно росло. К 1834 году в Англии уже каждый из 16 детей получал элементарное образование (во Франции — каждый из 17)¹⁶.

Итак, 30-е годы положили начало государственной деятельности в области народного образования: приняты реальные законы по охране детского труда, выделены первые субсидии на нужды просвещения народа, сделаны первые шаги в деле подготовки профессиональных учительских кадров, наконец, учреждено специальное ведомство по народному образованию.

¹ Журнал Министерства народного просвещения — Ч. СXXXIV. — Отд.: Современная летопись. — СПб. — 1867. — С. 234.

² Флейшнер Л. История народного образования в Англии. — Одесса. — 1895 — С. 7—8.

³ Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А., Ефрона И. А. — СПб. — 1891. — С. 376.

- ⁴ Флейшнер Л. Указ. соч.— С. 8.
⁵ Таундсен Р. Обязательное начальное обучение и подготовка народных учителей в Англии и Валисе.— Лондон.— 1920.— С. 52.
⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 2.— С. 397—401.
⁷ Таундсен Р. Указ. соч.— С. 57.
⁸ G. Stuart MacLure. Educational Documents England and Wales. 1816 to the present day.— L.— 1974.— P. 19.
⁹ Ibid.— P. 19—20.
¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 38.— С. 305.
¹¹ Education in Britain.— L.— 1967.— P. 4.
¹² G. Stuart MacLure. Educational Documents England and Wales.— P. 28.
¹³ Флейшнер Л. Указ. соч.— С. 10.
¹⁴ G. Stuart MacLure. Educational Documents England and Wales.— P. 44.
¹⁵ Proceeding of the international congress of education of the World's Columbian exposition Chicago. July 25—28. 1893.— New York.— 1895.— P. 870.
¹⁶ Журнал Министерства народного просвещения.— Ч. IV.— Отд. VI.— СПб.— 1834.— С. 167.

Е. Д. СМЕРНОВА

К ИСТОРИИ ЧЕШСКО-РУССКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ПОЗДНЕГО ФЕОДАЛИЗМА (XVI—XVIII ВЕКА)

Развитию чешско-русских культурных контактов средневековья во многом способствовали два основополагающих момента: создание славянской письменности Кириллом и Мефодием (в Великоморавской империи и Киевской Руси она сходная, старославянская), результатом чего явились «Летопись» Нестора, «Хроника» Козьмы Пражского, «Киевские листки...», «Пражские отрывки» и появление книгопечатания (в Чехии — в 1468, Московской Руси — в 1564 году).

Из комплекса культурных связей позднего средневековья (XVI—XVII века) прежде всего необходимо выделить связи книжные, литературные как наиболее существенные для того времени. Общеизвестна деятельность Ф. Скорины в Праге в первой четверти XVI века, издание им Псалтыри (1517) и Библии (1520). Качественно новые изменения в связях двух стран можно отметить в конце этого века. Наряду с произведениями по всеобщей истории и географии, такими как «Kosmografia česka» немецкого ученого С. Мюнстера (переведена на чешский язык, переработана Зикмундом из Пухова и издана в Чехии в 1554 году)¹, где «первая наиболее подробная информация»² о Московском государстве давалась в главах «О земле Московской» и «Русская земля», существовала литературная продукция, специально посвященная Руси. Это «Московская хроника» — извлечение из латинского сочинения «Описание европейской Сарматии» (1578) итальянца Александра Гваньини, находившегося на службе у Стефана Батория. «Хроника» была переведена и переработана пражским бакалавром Матвеем Гоziем из Высокого Мыта (1555—1589) и издана в 1590 году в Праге печатником-просветителем, гуманистом Даниэлем Адамом из Велеславина. Повествование Гваньини М. Гоziй соединил с не менее известным сочинением того времени «Записками о Московских делах» посла Сигизмунда Герберштейна (1486—1566), дважды посетившего Московскую Русь в 1517 и 1526—27 годах. Книга Гваньини — Гоziя была издана вторично в 1602 году, что может быть расценено как свидетельство того, что у чешских читателей она вызвала живой интерес. Несмотря на некоторую антирусскую направленность (автор сочинения служил польским феодалам и в какой-то степени тенденциозно рассматривал Московскую Русь Ивана IV, в состоянии военно-политического конфликта с которой находилось в то время государство Стефана Батория), «Хроника» давала разнообразные сведения о крупном славянском государстве на востоке: его природных богатствах, географическом положении, торговых отношениях, обычаях, вероисповедании; подробно описаны Новгородское, Тверское, Суздальское, Ярославское, Ростовское княжества. Несомненно, большой интерес представляет предисловие